

рета, магистрантъ тѣмъ самымъ умаляетъ значеніе прочихъ епископовъ, не согласныхъ съ воззрѣніями московскаго архипастыря.

Далѣе оппонентъ, прочитавъ слѣдующія слова м. Филарета (Диссертац. стр. 46): „Духовное начальство... и въ семъ дѣлѣ челоувѣколюбія обязано осторожно, такъ сказать, прокрадываться мимо строгости 76 Апостольскаго правила“, высказалъ сожалѣніе, что авторъ не воспользовался ими для характеристики м. Филарета. Эта фраза чрезвычайно характеристична. Никто не можетъ перешагнуть за предѣлы своего вѣка. Филаретъ при всѣхъ своихъ талантахъ былъ сыномъ своего времени. А его время было вѣкомъ формальной юстиціи и буквы закона. Нынче адвокатъ критикуетъ самые законы во имя высшихъ принциповъ, тогда необходимо было дѣйствовать на основаніи буквального смысла закона. Тогда были рабами законовъ. Положеніе юристовъ облегчалось только многочисленностію и противорѣчіемъ нашихъ законовъ. Это давало возможность обходить неудобные законы, осторожно „прокрадываясь“ между одними и подбирая благоприятные. Если бы магистрантъ ввелъ эту черту въ свою характеристику, то образъ Филарета пересталъ бы быть какимъ то идеаломъ отвлеченной святости, но получилъ бы болѣе конкретную, осязательную и челоувѣчную форму.

Въ заключеніе оппонентъ повторилъ, что онъ признаетъ въ диспутантѣ рѣшительный талантъ выбирать въ массѣ матеріала самое существенное и излагать его въ формѣ сжатой и точной, талантъ, столь необходимый для юриста, и посоветовалъ ему не зарывать этотъ талантъ въ землю, но продолжать свои работы и именно въ области каноническаго права.

Совѣтъ Академіи призналъ защиту диссертациі удовлетворительною и опредѣлилъ ходатайствовать предъ Св. Синодомъ объ утвержденіи диспутанта въ степени магистра богословія.

14 Сентября, въ день воздвиженія Креста Господня, состоялся второй коллоквиумъ. Обсуждалась диссертациі: свящ. П. Я. Свѣтлова „Значеніе Креста въ дѣлѣ Христовомъ. Опытъ изъясненія догмата искупленія“. Предъ началомъ диспута секретарь Академіи по принятому обычаю прочелъ

слѣдующее *curriculum vitae* магистранта. Свящ. П. Я. Свѣтловъ, сынъ свящ. с. Святаго Озера Рязанской губерніи, Егорьевскаго уѣзда, первоначальное образованіе получилъ въ Зарайскомъ Духовномъ Училищѣ и Рязанской Духовной Семинаріи, а затѣмъ, по окончаніи курса въ оной, на казенный счетъ былъ посланъ Правленіемъ Семинаріи для продолженія образованія, по его избраніи, въ Московскую Духовную Академію (1882 г.), гдѣ зачислился на богословское отдѣленіе. По окончаніи курса въ Академіи въ 1886 г. со степенью магистранта, оставленъ при оной въ званіи профессорскаго стипендіата для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ кафедръ по предмету его преимущественныхъ занятій (по богословскимъ наукамъ), но, за отсутствіемъ таковой въ Академіи, по прошенію, приказомъ Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода отъ 7 Марта 1887 года былъ назначенъ преподавателемъ богословскихъ наукъ (т. е. Догматическаго, Нравственнаго, Основнаго и Обличительнаго Богословія) въ Тифлисскую Духовную Семинарію, гдѣ онъ и состоялъ преподавателемъ сихъ наукъ, а также дополнительнаго предмета Педагогика и Дидактика въ V—VI кл. съ занятіями въ образцовой, при Семинаріи, церковно-приходской школѣ впредь до опредѣленія его на должность законоучителя Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко (бывшаго Лицея кн. Безбородко) и гимназіи при немъ распоряженіемъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 15 Марта 1889 года.

За періодъ времени 1885 — 1893 гг. имъ напечатаны слѣдующіе труды въ видѣ журнальныхъ статей и отдѣльными изданіями:

Въ Журн. Чтенія въ Обществѣ любителей Духовнаго Просвѣщенія рядъ библейско-апологетическихъ очерковъ по *Vigouroux*, какъ: „Египетскія казни“, „Переходъ Израилтянъ черезъ Черное море“, „Манна небесная“, „Самсонъ“, „Видѣніе херувимовъ“ (за 1889 — 1890 гг.). Въ журналѣ Православное Обозрѣніе, за пятнадцатый періодъ сотрудничества, падающаго на послѣдніе его годы, помѣщены: „Къ вопросу о дарвинизмѣ (Библиографич. ст. по пов. книги Н. Я. Данилевскаго „Дарвинизмъ“), „Очерки позитивизма“, „Современный конфликтъ научнаго разума и простой совѣсти“ (По пов. ром. П. Бурже: „Ученикъ“ и др. Альф. Додэ:

„Борьба за существованіе“), — „Христіанство и война“, — „Къ вопросу о законности войны съ христіанской точки зрѣнія“, — „Что будетъ съ землею?“ (Эсхатологическій опытъ)“, — „Папская непогрѣшимость въ свѣтѣ исторіи (Переводъ съ англійскаго)“, — „О свойствахъ воли Божіей по христіанскому ученію“, — „Два вопроса изъ исторіи народа Божія (Очеркъ по философіи Библейской исторіи)“ и др. ст. Въ журналѣ Вѣра и Разумъ помѣщены: „Ученіе Фейербаха о сущности и происхожденіи религіи (1885, №№ 14—15) и „Человѣкъ и животное въ психическомъ отношеніи“, изданная и отд. брошюрой (1892 №№ 21 и 23). За симъ книги — „Пророческіе или вѣщія сны“. Апологетическое изслѣдованіе въ области Библейской Психологіи. Кіевъ 1892 г. — и представляемая на соисканіе ученой степени магистра Богословія „Значеніе Креста въ дѣлѣ Христовомъ. Опытъ изъясненія догмата искупленія“. Кіевъ 1893 г.

Послѣ рѣчи магистрата ¹⁾ начались пренія. Первымъ выступилъ противъ диспутата о. ректоръ Академіи.

Прежде чѣмъ приступить къ возраженіямъ, о. ректоръ отмѣтилъ тѣ достоинства, которыми отличается диссертация магистранта, а именно: 1) сочиненіе содержитъ въ себѣ основательный разборъ и смягченіе господствующей въ инославныхъ церквахъ юридической теоріи искупленія, 2) выдержки изъ сочиненій оо. церкви представляютъ собою не механической наборъ, составленный изъ случайно взятыхъ фразъ, какъ это часто можно встрѣчать въ разныхъ богословскихъ сочиненіяхъ, но представляютъ собою стройную систему, которая производитъ впечатлѣніе цѣльное и законченное. Прочитавши главу, излагающую ученіе оо. церкви объ искупленіи, даже самыя строгіе послѣдователи юридической теоріи должны признать, что ихъ воззрѣнія сильно отклоняются отъ воззрѣній древней церкви и ощутить потребность соглашенія господствующихъ понятій съ церковнымъ преданіемъ. 3) Въ диссертации выдвинуты тѣ стороны догмата искупленія, которыя отодвинуты на задній планъ или же и совершенно затемнены въ нашихъ учебникахъ. Въ послѣднихъ развивается преимущественно объективная сторона догмата искупленія, и совершенно игнорируется вопросъ о страданіи І. Христа, какъ примѣрѣ.

¹⁾ Рѣчь эту см. выше.

Въ диссертациі же рельефно выражена логическая связь между страданіемъ и добродѣтелью. Благодаря этому и субъективная сторона искупленія получаетъ надлежащее раскрытіе. При этомъ раскрытіи субъективной стороны догмата искупленія для автора предстояла опасность впасть въ одно-сторонность и оставить безъ развитія объективную сторону догмата. Однако онъ очень удачно избѣжалъ этой опасности.

Указавъ тѣ свѣтлыя стороны диссертациі, которыя дѣлаютъ ее весьма цѣннымъ вкладомъ въ нашу ученую богословскую литературу, о. ректоръ отмѣтилъ также нѣкоторыя пробѣлы, уменьшающіе ея научную цѣнность. Въ качествѣ недостатка о. ректоръ указалъ на то обстоятельство, что ученіе оо. церкви, хотя и хорошо изложено, но не вполне усвоено магистрантомъ. Это отчасти показываетъ самая выѣшность диссертациі: главы, излагающія святоотеческое ученіе о Крестѣ Господнемъ, стчуждены отъ прочихъ и имѣютъ такой видъ, какъ будто онѣ присоединены послѣ и совершенно механически. Не полное усвоеніе святоотеческихъ воззрѣній по вопросу о Крестѣ Христовомъ, особенно ясно видно изъ того, что диспутантъ не извлекъ изъ приведенныхъ имъ же самимъ свидѣтельствъ оо. церкви всего содержанія, заключающагося въ нихъ. И св. Писаніе и оо. церкви утверждаютъ, что самая добродѣтель необходимо есть страданіе. Страданіе есть смерть одного содержанія личности и развитіе новаго. Злая воля есть не что иное, какъ грѣхъ, вошедшій въ привычку, сдѣлавшійся объектомъ инстинктивныхъ стремленій, которыя, не получая удовлетворенія, причиняютъ человѣку боль. Для спасенія необходимо подавить въ себѣ грѣховныя привычки, не давая имъ исхода и создать въ себѣ новаго человѣка, новое нравственно-доброе содержаніе. Но эта борьба съ злымъ содержаніемъ своей воли необходимо есть страданіе. Эта мысль постоянно высказывается оо. церкви. Она содержится даже въ тѣхъ выдержкахъ изъ ихъ сочиненій, которыя приведены въ диссертациі. По мнѣнію о. ректора, магистранту не было бы надобности все значеніе Креста Христова сводить къ понятію жертвы, если бы онъ обратилъ вниманіе на опущенную имъ мысль. Усвоивъ ее, онъ могъ бы представить субъективную сторону догмата искупленія въ терминахъ весьма осязательныхъ и ясныхъ—спасеніе есть

возрожденіе, возрожденіе есть страданіе, страданіе для естественнаго человѣка есть предметъ отвращенія, но когда пострадалъ Богочеловѣкъ, страданія для вѣрующаго служить уже не предметомъ отвращенія, а предметомъ поклоненія. Таково значеніе примѣра страданій І. Христа. Въ этомъ главнымъ образомъ и состоитъ *субъективная сторона* догмата искупленія.

На это возраженіе диспутантъ отвѣтилъ, что онъ далъ мѣсто въ своей диссертаци и указанной мысли (стр. 395), хотя можетъ быть и не выразилъ ее такъ рельефно и это главнымъ образомъ потому, что онъ опасался нарушить соразмѣрность частей своего сочиненія. О зависимости страданій и добродѣтели онъ говоритъ, какъ объ одномъ изъ моментовъ сложнаго цѣлаго, называемаго покаяніемъ.

О. ректоръ въ отвѣтъ на это разъясненіе диспутанта возразилъ, что указанной имъ мысли нужно было бы дать болѣе ясное развитіе потому, что въ этомъ именно пунктѣ правосл. ученіе особенно отличается отъ протестанскаго. Исходя изъ своего основнаго принципа о спасающей вѣрѣ, протестанты не знаютъ того аскетическаго пониманія спасенія, которое исповѣдывали оо. церкви, приведенные авторомъ защищаемой диссертаци и главнымъ образомъ не приведенные—христіанскіе аскеты. Христіанская древность различала два момента въ дѣлѣ возстановленія падшой природы человѣка: первый моментъ—покаяніе и послѣдній—спасеніе и совершенство, для котораго уже и законъ не лежитъ. Между ними лежитъ путь духовнаго дѣланія и eo ipso страданія. Здѣсь то для человѣка и необходимъ примѣръ добровольныхъ страданій Богочеловѣка и духовное общеніе съ Нимъ чрезъ благодатныя средства. Принимая однако во вниманіе то обстоятельство, что диссертациа преслѣдуетъ главнымъ образомъ апологетическія, а не экзегетическія цѣли, оппонентъ нашелъ возможнымъ примириться съ отмѣченнымъ имъ пробѣломъ.

Переходя къ объективной сторонѣ догмата искупленія, о. ректоръ поставилъ на видъ диспутанту, что и здѣсь онъ допустилъ нѣкоторый пробѣлъ. Именно въ разрѣшеніи вопроса, какимъ образомъ намъ усвоятся заслуги І. Христа, магистрантъ кромѣ спасительныхъ страданій оцарается на воплощеніе Сына Божія. І. Христось чрезъ воплощеніе

становится представителемъ человѣчества. Вслѣдствіе этого Богу дѣлаются угодными наши человѣческіе подвиги и наши страданія въ той же мѣрѣ, въ какой Ему угодны страданія Сына Его. Мысль эта конечно вѣрна, но она не полна. Сынъ Божій не только воплотился и сдѣлался подобнымъ намъ человѣкомъ, но и пережилъ Своею сострадательною любовію всѣ наши состоянія, скорбѣлъ за каждого человѣка. Во время моленія о чашѣ Христосъ скорбѣлъ о грѣхахъ всего міра. Скорбь Христа за насъ соединила насъ съ Нимъ и эта самая скорбь, становясь предметомъ нашей надежды и любви, пересоздаетъ насъ. По ученію Св. Писанія и оо. церкви сострадательная любовь можетъ обращать грѣшника на путь добродѣтели. Если бы любящая мать изъ любви къ преступному сыну рѣшилась сама перенести за него наказаніе, къ которому онъ присужденъ, то этотъ подвигъ самоотверженной любви могъ бы смягчить преступную душу ея сына и сдѣлать ее способною къ исправленію.

Въ отвѣтъ на это возраженіе о. ректора, магистрантъ объяснилъ, почему онъ не остановился въ своей диссертации на этой мысли. Вопросъ, связанный съ объективною стороною догмата искупленія, сводится къ тому, какъ возможно перенесеніе заслугъ одного на другаго. Въ разрѣшеніи этого вопроса диспутантъ считалъ необходимымъ прибѣгнуть къ идеѣ Богочеловѣчества І. Христа, потому что такъ поступали оо. церкви, особенно Иринеи и Аѳанасій Великій. Но этимъ вопросъ не исчерпывается. Догматъ искупленія нужно разсматривать въ связи съ догматомъ грѣхонаденія. Адамъ есть нашъ общій родоначальникъ Все человѣчество есть организмъ, каждый изъ насъ его часть. Принципъ солидарности всего человѣчества дѣлаетъ до нѣкоторой степени понятнымъ переходъ первороднаго грѣха съ Адама на всѣхъ его потомковъ. Христосъ есть родоначальникъ новаго человѣчества. Въ силу того же принципа солидарности намъ усвояются Его заслуги. Такое объясненіе даетъ Иринеи. Его усвоили себѣ главнымъ образомъ протестанты, напр. Дорнеръ. Хотя противъ этихъ соображеній и могутъ быть поставлены нѣкоторыя изъ тѣхъ возраженій, которыя дѣлаются противъ юридич. теоріи, однако диспутантъ не счелъ себя въ правѣ опустить ихъ, потому

что они встрѣчаются въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ оо. церкви. Онъ съ своей стороны дополнилъ только указанное толкованіе. Именно, онъ указалъ, что только съ юридической точки зрѣнія несправедливо наказывать одного за другаго. Но здѣсь нѣтъ ничего несправедливаго для любви. Однако магистрантъ не могъ не признать, что, развивая эту мысль, онъ болѣе остановился на любви спасаемаго человѣка къ І. Христу и упустилъ изъ виду любовь Христа къ человѣку.

Согласившись съ тѣмъ, что теорія автора избѣгаетъ той пассивности, которая замѣтна въ протестантскомъ пониманіи догмата, о. ректоръ отмѣтилъ важность допущеннаго авторомъ пробѣла въ методологическомъ отношеніи. Если бы авторъ остановился на мысли о возрождающей грѣшника силѣ любви къ нему І. Христа, то догматъ искупленія сдѣлался бы для него гораздо понятнѣе. При опущеніи же этой мысли въ пониманіи догмата искупленія остаются трудно устранимыя неясности. Самъ авторъ чувствуетъ это, когда на стр. 168, 298 и 300 своей диссертациі, говоритъ объ искупленіи, какъ о тайнѣ недоступной для разсудка и ощутительной лишь для сердца. Подобныя выраженія о. ректоръ призналъ несоотвѣтствующими и характеру диссертациі, и по самому существу невѣрными. Диссертациія есть работа ученая. Задача ея состоитъ въ томъ, чтобы выяснить ея предметъ въ терминахъ логическаго мышленія, имѣющаго общеобязательную силу и объективную значимость. Поэтому, если гдѣ, то именно въ ученой диссертациі, неумѣстно прибѣгать къ критерию чувства, не отличающемуся ни всеобщностию, ни общеобязательностию. Апелляція къ чувству не можетъ быть одобрена и потому, что чувства, какъ познанія нѣтъ. Познающая дѣятельность принадлежитъ разсудку. Показанія же чувства служатъ только данными, надъ которыми оперируетъ разсудокъ. Онъ переводитъ темный языкъ чувства на языкъ логическихъ понятій. Въ ссылкѣ магистранта на чувство оппонентъ усмотрѣлъ отзвукъ изобрѣтеннаго Вл. С. Соловьевымъ термина: мистическая идея, термина, заключающаго въ себѣ *contradictio in adjecto*.

Магистрантъ призналъ основательность поставленнаго ему возраженія, но при этомъ выяснилъ, что въ своихъ словахъ относительно недоступности догмата искупленія для разсудка и его непонятности для сердца, онъ не имѣлъ въ

виду дать какой либо гносеологической теоріи, а просто воспользовался этой ходячей фразой, какъ стилистическимъ приѣмомъ съ цѣлью затушевать тѣ пробѣлы въ своемъ опытѣ изъясненія догмата искупленія, которыхъ едвали можно всецѣло избѣжать.

Далѣе о. ректоръ перешелъ къ частностямъ диссертациі и указалъ на то, что въ ней слова Св. Писанія приводятся иногда не въ томъ смыслѣ, какой имѣютъ они въ контекстѣ. Такъ напр. слова: „и будетъ едино стадо и Единъ пастырь“ относятся къ обращенію въ христіанство язычниковъ, авторъ же диссертациі приводитъ ихъ въ качествѣ пророчества о соединеніи въ единой вѣрѣ всѣхъ христіанскихъ сектъ. Слова „се человекъ“ понимаются имъ въ смыслѣ „идеальный человекъ“.

Магистрантъ указалъ на возможность примѣненія этихъ словъ и къ тѣмъ мыслямъ и обстоятельствамъ, которыхъ касается онъ, и при этомъ сослался на то, что такое пониманіе, котораго держится онъ, распространено въ обществѣ и искусствѣ.

Не признавая указанный авторитетъ достаточнымъ для оправданія отмѣченныхъ отступленій отъ текста, о. ректоръ присоединилъ къ нимъ и еще нѣсколько. Такъ на стр. 306 авторъ утверждаетъ, что І. Христосъ скорбѣлъ, видя всеобщее непониманіе Его ученія, котораго были не чужды даже Его ученики. Но Господь полагался не на людей, но на Бога Отца и не могъ не быть увѣреннымъ въ успѣхѣ Своего дѣла. Затѣмъ вопреки автору о. ректоръ привелъ нѣсколько текстовъ изъ Евангелія, которые показываютъ, что І. Христосъ не всегда называлъ Свое иго благимъ и легкимъ, а иногда изображалъ его настолько труднымъ, что оно казалось превышающимъ человѣческія силы и удобоисполнимымъ лишь при помощи Божіей.

Указавъ потомъ на нѣсколько стилистическихъ недосмотровъ (напр. „Богъ хотѣлъ отнять человекѣка у діавола“, „повѣсить его мало“), которые шокируютъ своимъ нѣсколько вульгарнымъ оттѣнкомъ, о. ректоръ выразилъ сожалѣніе, что магистрантъ, удерживая въ своей диссертациі ходячее трехчастное дѣленіе служенія І. Христа — на первосвященническое, пророческое и царское, называлъ его обще-

принятымъ въ церкви послѣ Евсевія Кесарійскаго, хотя это дѣленіе было неизвѣстно великимъ оо. церкви.

Диспутантъ отвѣтилъ, что трехчастное дѣленіе онъ удержалъ потому, что нашелъ нѣкоторые слѣды его у Евсевія Кесарійскаго, но что тѣмъ не менѣе онъ не находитъ возможнымъ настаивать на названіи его общепринятымъ въ церкви.

Наконецъ, о. ректоръ отмѣтилъ еще одинъ недостатокъ диссертациі методологическаго характера. Онъ обратилъ вниманіе магистранта на то, что въ его трудѣ иногда болѣе ясное понятіе объясняется менѣе яснымъ. Напр. авторъ диссертациі старается приблизить къ пониманію догматъ искупленія при помощи понятія о жертвѣ, которое само по себѣ очень не ясно и нуждается въ опредѣленіи при помощи другихъ понятій.

Диспутантъ возразилъ, что понятія о жертвѣ онъ не могъ избѣжать потому, что имъ пользуется Ап. Павелъ.

Въ такомъ случаѣ, отвѣтилъ ему о. ректоръ, вы должны были бы ввести въ свое объясненіе и понятія скиніи, покоя, стамны, кадилъницы и другіе литургическіе термины, которыми пользуется Ап. Павелъ, но предварительно разъяснить ихъ, а не пользоваться ими въ качествѣ общепринятыхъ. Сверхъ того въ диссертациі недостаточно основательно доказано, что жертва имѣла значеніе возмездія.

Въ заключеніе своихъ возраженій о. ректоръ возвратился къ тому, съ чего онъ ихъ началъ. Онъ высказалъ сожалѣніе, что масса разнородныхъ занятій, съ которыми связано начало учебнаго года, не позволила ему употребить на изученіе диссертациі болѣе времени. Обстоятельства вынуждали его торопиться и вслѣдствіе этого онъ остановился преимущественно на недостаткахъ, такъ какъ послѣдніе обыкновенно легче подмѣчаются и скорѣе бросаются въ глаза. Но несомнѣнно диссертациія имѣетъ болѣе достоинствъ, чѣмъ недостатковъ. Въ этомъ отношеніи о. ректоръ причисляетъ ее къ числу лучшихъ трудовъ богословско-экзегетическаго характера, появившихся въ послѣднее время.

Вторымъ возражалъ экстра-ординарный профессоръ по кафедрѣ Догматическаго Богословія А. Д. Бѣляевъ.

Прежде чѣмъ приступить къ возраженіямъ оппонентъ

отмѣтилъ въ качествѣ главнѣйшей заслуги автора самостоятельность его воззрѣній и затѣмъ одобрилъ тѣ сокращенія, которыя сдѣланы имъ въ диссертациі, въ особенности же опущеніе цѣлаго отдѣла въ двѣ главы, посвященнаго исторіи религіи. Въ качествѣ основанія для этого оппонентъ указалъ на невозможность серьезно и основательно выполнить эту работу, такъ какъ для этого требуется спеціальная подготовка и огромная затрата времени, необходимая для того, чтобы ориентироваться въ массѣ скопившагося въ настоящее время сыраго матеріала по исторіи религіи.

Затѣмъ оппонентъ заявилъ, что въ своихъ возраженіяхъ онъ ограничится указаніемъ мелкихъ недосмотровъ, которыми по мѣстамъ страдаетъ диссертация.

Въ числѣ этихъ послѣднихъ онъ указалъ на нѣкоторую небрежность въ цитациі.

Такъ напр. въ диссертациі встрѣчаются цитаты, представляющія смѣсь русскаго съ латинскимъ (стр. III, 124, 125). Имя цитуемаго автора (Иринея) пишется по русски, а затѣмъ слѣдуетъ сарит и цифра, обозначающая главу. Первую цитату необходимо приводить въ полной и точной формѣ, новъ диссертациі это не всегда соблюдается (стр. VIII, 94, 288 и др.) На стр. 8, 36, 98 и 99 встрѣчаются и прямо таки не вѣрныя цитаты. Иногда авторъ указываетъ страницу и не указываетъ изданія (стр. VIII, XXXVI, 98, 99). Такъ цитуются Григорій Богословъ. Это неудобно потому, что сочиненія Григорія Богослова существуютъ не въ одномъ изданіи. Ссылаясь на Томазіуса (стр. VIII), авторъ указываетъ часть и не указываетъ отдѣленія его труда. Иногда цитуются томы сочиненій оо. церкви, а не указываются названія ихъ сочиненій, изъ которыхъ сдѣлано заимствованіе, но составъ томовъ въ разныхъ изданіяхъ бываетъ различный. Иногда авторъ называетъ только имя автора и не указываетъ сочиненія (стр. 80). На стр. 109 ошибка въ знакахъ препинанія можетъ подать поводъ къ недоразумѣнію. Здѣсь напечатано: Іустину Философу принадлежатъ „двѣ апологіи“: „Рѣчь къ Эллинамъ“ и „Увѣщаніе къ Эллинамъ“.... Можно подумать, что два послѣднихъ названія носили апологіи. На 287 стр. находится невѣрная цитата изъ сочин. Цицерона *De natura deorum*. Относительно послѣдняго замѣчанія диспутантъ выяснилъ, что,

ссылаясь на указанное мѣсто изъ соч. Цицерона, онъ имѣлъ въ виду не словесное выраженіе мысли, а общій смыслъ его. Оппонентъ указалъ на аналогичную же неточность на стр. 237 въ ссылкѣ на Геродота: но диспутантъ не призналъ себя отвѣтственнымъ въ этой ошибкѣ на томъ основаніи, что неправильная цитата заимствована имъ у Грау, и источникъ этотъ указанъ.

Къ числу такихъ же мелкихъ недосмотровъ оппонентъ отнесъ тотъ фактъ, что въ диссертациіи иногда оставляются безъ перевода нѣмецкія и латинскія фразы (стр. 16, 82, 84, 85, 88, 93—95), что можетъ затруднять читателей, не знакомыхъ съ этими языками. Иногда дѣлается невѣрный переводъ напр. на стр. 35 слово *Genugthuung* переведено словомъ искупленіе, а не удовлетвореніе, *Versöhnung* также словомъ искупленіе, тогда какъ на стр. XXII введенія, устанавливая нѣмецкую терминологию касательно догмата искупленія, авторъ переводитъ слово *Genugthuung* и *Versöhnung* правильно словами—удовлетвореніе и примиреніе.

Отъ недосмотровъ, касающихся внѣшности сочиненія, оппонентъ перешелъ къ нѣкоторой неточности въ мысляхъ и выраженіяхъ въ диссертациіи. Прежде всего онъ указалъ на то, что авторъ ставитъ на стр. XXVIII Неандера во главѣ посредствующей философіи, тогда какъ дѣйствительнымъ главою ея служить Шлейермахеръ. На стр. 39 авторъ говоритъ о злѣ, какъ о понятіи равнозначущемъ грѣху. Но эти понятія не вполне покрываютъ другъ друга. Грѣхъ есть нравственное зло, понятіе же зла шире по объему: оно включаетъ въ себя и физическое, и нравственное зло. Магистрантъ утверждаетъ, что грѣхъ есть любовь къ конечному. Но опять, и даже по его собственному признанію, не всякая любовь къ конечному есть грѣхъ. Грѣхъ есть любовь къ конечному, исключаящая любовь къ Богу. На стр. 237 невѣрно объясненъ смыслъ священной проституціи, практиковавшейся въ культѣ Мелиты. Характеристика всей католической догматики на стр. XX справедлива только по отношенію къ ультрамонтанской догматикѣ, а не ко всей католической. На стр. 410 авторъ употребляетъ выраженіе: „законъ отмѣненъ“, тогда какъ не законъ отмѣненъ, а отмѣнена осуждающая тяжесть и сила закона, прекратилось рабство человѣка закону, и облегчено исполненіе его благо-

дату. На 322 стр. авторъ высказываетъ увѣренность, что Евреи увѣровали бы въ І. Христа, если бы Онъ сошелъ со креста, но едва ли это справедливо, потому что и это чудо они могли бы признать дѣломъ Веельзевула. На стр. 221 магистрантъ утверждаетъ, что Богъ дѣйствуетъ на человѣка только совнѣ, а на 276 говоритъ, что терзанія совѣсти грѣшника отличаются внѣшнимъ характеромъ, а раскаяніе внутреннимъ. Наконецъ, оппонентъ указалъ на то, что наименованіе главъ сочиненія слѣдовало бы измѣнить: заглавіе 4 гл. „Покайтесь“ поставить надъ третьей, а надъ четвертой надписать: вѣра въ Евангельское ученіе, потому что въ 4 главѣ ничего не говорится о покаяніи, а въ 3-ей говорится. Диссертация заключаетъ въ себѣ два отдѣленія. Изъ нихъ одно названо историко-догматическимъ, другое оставлено вовсе безъ названія. Но его удобно было бы назвать догматическимъ. Недостатокъ перваго отдѣленія, названнаго историко-догматическимъ, состоитъ въ томъ, что матеріалъ располагается въ немъ не въ хронологическомъ порядкѣ, а это не соотвѣтствуетъ заглавію.

На всѣ эти указанія оппонента диспутантъ давалъ соотвѣтствующія разъясненія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ оправдывающія отмѣченные недосмотры.

По окончаніи преній, о. ректоръ Академіи, собравъ голоса у членовъ Совѣта, объявилъ, что совѣтъ Академіи признаетъ защиту удовлетворительной и будетъ ходатайствовать предъ Св. Синодомъ объ утвержденіи магистранта въ степени магистра богословія.

Диспутъ закончился пѣніемъ хвалебной пѣсни Кресту Христову.

И. Поповъ.